

Иванов Дмитрий Игоревич

ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЙ "БИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ" И "КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА": ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

В рамках данной статьи рассматриваются общие вопросы операциональных возможностей когнитивно-прагматической программы в контексте литературоведческих исследований жизнетворческих и мифобиографических структур. При этом когнитивно-прагматическая программа понимается как особая концептуальная матрица, целостная система целевых, самоидентификационных (ролевых, инкарнационных), инструментальных и оценочно-результативных когнитивно-прагматических установок, синтезирующая в себе различные субъектные модальности (субъект-источник - субъект-интерпретатор) и выступающая в роли ментально-когнитивной связи между сознанием, мышлением, интеллектом и эмоциональным интеллектом человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 1. С. 34-37. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Романы Ф. Байрамовой свидетельствуют о формировании в татарской культуре особой разновидности постколониальной литературы, которая строится на классических бинарных оппозициях, позволяющих вывести на передний план судьбу нерусских народов в СССР. Использование же схем героического эпоса служит для презентации летописи жизни людей как исторических нарративов, направленных на формирование объективного взгляда на прошлое, обеспечивая художественную привлекательность текстов.

Список источников

1. **Бэйрэмова Ф.** Кырык сырт: романнар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 672 б.
2. **Современная русская литература: 1950-1990-е годы:** в 2-х т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. М.: Изд. центр «Академия», 2006. Т. 1. 688 с.
3. **Там, внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России:** сб. статей / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 960 с.
4. **Урманче Ф.** Тюркский героический эпос. Казань: ИЯЛИ, 2015. 448 с.

**POST-COLONIAL MOTIVES IN THE TATAR PROSE OF THE XXI CENTURY
(BY THE MATERIAL OF THE NOVEL BY F. BAYRAMOVA “FORTY SUMMITS”)**

Zagidullina Daniya Fatikhovna, Doctor in Philology
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan
Zagik63@mail.ru

The article is devoted to new developments in the Tatar prose of the XXI century, in particular the manifestation of postcolonial motifs in the creative work of F. Bayramova. By the example of the novel “Forty Summits” the main trends of the forming post-colonial literature are determined. The main theme is the fate of non-Russian peoples in the USSR. Structuring according to the principle of binary oppositions, the use of schemes of a heroic epic, existential character of the authorial voice, psychology and idealization, romanticizing of the main character form the basis of her style.

Key words and phrases: prose of Fauzia Bayramova; Tatar literature; postcolonialism; novel; mythologization; collective trauma.

УДК 81.1; 008:361

В рамках данной статьи рассматриваются общие вопросы операциональных возможностей когнитивно-прагматической программы в контексте литературоведческих исследований житнетворческих и мифобιοграфических структур. При этом когнитивно-прагматическая программа понимается как особая концептуальная матрица, целостная система целевых, самоидентификационных (ролевых, инкарнационных), инструментальных и оценочно-результативных когнитивно-прагматических установок, синтезирующая в себе различные субъектные модальности (субъект-источник – субъект-интерпретатор) и выступающая в роли ментально-когнитивной связки между сознанием, мышлением, интеллектом и эмоциональным интеллектом человека.

Ключевые слова и фразы: когнитивно-прагматическая программа (КПП); биографический миф; автобиографический миф; синтетическая языковая личность (СЯЛ); субъект-источник; субъект-интерпретатор.

Иванов Дмитрий Игоревич, к. филол. н., доцент

Гуандунский университет международных исследований, Китайская народная республика

Ивановский государственный университет

Ivan610@yandex.ru

**ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЙ «БИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ»
И «КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА»: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ**

В пространстве современной парадигмы гуманитарного знания, в контексте антропоцентрического направления предельную актуализацию получают семиотико-когнитивные исследования языка, личности, текста и полидискурсивного пространства культуры [8; 9; 10]. В настоящее время одной из наиболее перспективных областей применения когнитивных технологий анализа становится литературоведение, в котором «все активнее начинает устанавливаться традиция подхода к художественной литературе как к мышлению. Такое обращение к данной теме видится весьма закономерным, и вполне объяснимым представляется появление когнитивного литературоведения <...> когнитивное литературоведение – не очередной вариант новой теории литературы, призванный заменить собой ее предыдущие разновидности, а фундамент для множества возможных теорий. Тем более, что вся художественная литература эксплуатирует ресурсы современного ей обыденного языка и концептуальных структур, раскрывающихся в ненаиболее полным образом» [1, с. 9-10].

В рамках этих исследований была разработана авторская концепция синтетической языковой личности (СЯЛ), которая представляет собой особое «полисубтекстуальное (синтетическое) образование, формирующееся на базе генетического сращения различных знаковых систем» [7, с. 97]. Так, например, в пространстве рок-культуры внешняя (формальная) структура СЯЛ рок-поэта (рок-музыканта) состоит из вербального,

музыкального, артикуляционного и имиджевого компонентов. Подчеркнем, что СЯЛ обладает устойчивой константной внутренней структурой независимо от того, в пространстве какого типа синтетического текста (текстов) она активизируется. Внутренняя структура СЯЛ состоит из трех уровней: а) вербально-семиотического (на этом уровне обозначается комплекс семиотических зон, попадающих в структуру синтетического текста и определяются качественные особенности внешней структуры СЯЛ); б) когнитивно-прагматического (он включает в себя систему концептуально-когнитивных кодов, которые последовательно распределяются по семиотическим зонам синтетического текста и, соответственно, по компонентам внешней структуры); в) ассоциативно-интерпретационного (на этом уровне происходит вовлечение в структуру СЯЛ воспринимающего субъекта, который является конститутивным компонентом дискурсивного сознания СЯЛ) [6].

Одним из ключевых элементов в рамках данной теории является понятие когнитивно-прагматической программы (КПП), которая понимается нами, «как особая концептуальная матрица» [7, с. 97], целостная динамическая жестко структурированная, иерархическая (по крайней мере, в рамках логоцентрической системы координат) система целевых, самоидентификационных (ролевых, инкарнационных), инструментальных и оценочно-результативных когнитивно-прагматических установок (КПУ). Заметим, что каждая из названных КПУ обладает сложной структурой и представляет собой своеобразную концептуально-смысловую и языковую (лексико-семантическую) подсистему. Причем особая константная иерархическая структура различных подсистем КПУ позволяет построить общую абстрактную последовательность когнитивных операций субъекта, направленных на моделирование своей КПП.

Первый этап – это формирование целевых КПУ, без которых просто невозможен процесс моделирования КПП. Дело в том, что цель как специфический когнитивный конструкт является особой универсальной потребностью личности, выполняющей катализирующую функцию. В ней синтезированы когнитивные и эмоционально-интеллектуальные интенции субъекта. Процесс определения цели сопряжен с механизмами «когнитивного выбора» метанарративной, получившей статус «универсальной» основы, или, говоря языком классического литературоведения, традиции, на базе которой будет моделироваться оригинальная КПП субъекта.

Кроме того, качественные особенности выбранной субъектом системы целевых установок полностью определяют направление общего вектора развития будущей КПП, отражающейся не только непосредственно в творчестве креативного субъекта и в его реальной биографии, но и в пространстве «мифологического фона», формирующегося как самим субъектом, так и его ближним / дальним окружением.

После определения цели активизируется процесс формирования системы специфических когнитивных инкарнаций субъекта. Подчеркнем, что это не просто случайный набор художественных, сценических ролевых образов, получивших спонтанную актуализацию в поэтическом / прозаическом произведении, в тексте песни, на сцене, во время рок-концерта, а глубоко осмысленная система когнитивных инкарнаций, генетически связанных с создающим (воплощающим) их субъектом. Другими словами, каждая инкарнация – это особый психолого-когнитивный опыт духовной самоидентификации личности, навсегда (в той или иной степени) сохраняющийся в сознании креативного субъекта.

После определения целевых КПУ и системы самоидентификационных инкарнаций субъект подбирает наиболее эффективные, по его мнению, когнитивные инструменты, с помощью которых он сможет успешно реализовать основную цель своей КПП. Заметим, что специфика выбранной «инструментально-когнитивной стратегии» определяет не только выбор тех или иных языковых средств, сценических атрибутов и т.д., но и общую модель творческого и реального поведения, то есть его имиджа.

На условно завершающем этапе моделирования КПП сам субъект и воспринимающее сознание (фанаты, поклонники его творчества, критики, исследователи, биографы и т.д.) моделируют систему оценочно-результативных КПУ и определяют уровень и качество достижения цели. Заметим, что на этом этапе существенно повышается значение и роль воспринимающего сознания (субъекта-интерпретатора), который наравне с креативным субъектом (субъектом-источником) выступает в качестве создателя и ретранслятора КПП.

Итак, КПП позволяет переосмыслить специфику взаимодействия порождающего и воспринимающего сознания и выявить (через дешифровку процессов трансляции (передачи) и восприятия (полного / частично-принятия / отрицания КПП)) специфику взаимодействия данных субъектных модальностей, которые представляют собой единую целостную систему «субъект-источник – субъект-интерпретатор» [5].

Важно, что, формируясь в пространстве когнитивного сознания, КПП является необходимым аккумуляционным компонентом моделирования общей «жизненной» (деятельностной, психофизиологической, духовной, творческой, социальной) программы каждого субъекта (личности), наделенного комплексом характерных компетенций (языковых, коммуникативных, креативных, когнитивных и многих других). Это связано с тем, что КПП «выступает в качестве ментально-когнитивной связки между сознанием, мышлением, интеллектом и эмоциональным интеллектом человека» [4, с. 108], позволяя, каждой конкретной личности выстраивать свою «жизненную парадигму» по своим собственным правилам, а исследователю, проводить ей многоплановый анализ, учитывая специфику языкового, коммуникативного сознания и качественные особенности процессов когнитивного, эмоционального взаимодействия субъектов разных типов.

Из этого следует, что КПП – это своеобразный целостный, динамический когнитивно обусловленный проект судьбы (творческой и реальной биографии) каждого человека (писателя, художника, музыканта и просто развитой личности). Причем КПП как «моделируемый человеком проект собственной судьбы» является достаточно гибкой и постоянно трансформируется, реагируя на все изменения (психофизиологические, духовные, когнитивные, социальные и многие другие). Особо следует сказать о том, что синтетическая природа КПП, реализующаяся в рамках системы «субъект-источник – субъект-интерпретатор», позволяет говорить о том, что специфика «выстраивания проекта своей биографии» определяется не только субъектом-

источником (самой личностью), но и всеми субъектами, получившими статус субъекта-интерпретатора, то есть людьми, которые в той или иной степени участвуют в жизни человека. В качестве субъекта-интерпретатора в данном контексте могут выступать родственники, друзья, знакомые и даже незнакомые люди, которые так или иначе сталкивались с результатами деятельности субъекта-источника.

Если переводить этот тезис в плоскость моделирования судьбы художника, то следует подчеркнуть, что понятие КПП, на наш взгляд, позволяет по-новому взглянуть на сформировавшуюся в науке методику анализа биографического мифа, под которым традиционно понимается «исходная сюжетная модель, получившая в сознании автора онтологический статус, рассматриваемая им как схема собственной судьбы и постоянно соотносимая со всеми событиями его жизни, а также получающая многообразные трансформации в его художественном творчестве» [11, с. 7].

Заметим, что, несмотря на достаточную полноту и точность данного определения, в нем не фиксируется несколько принципиальных, на наш взгляд, моментов. Во-первых, нет четкого указания на то, что эта онтологизированная модель судьбы художника создается им сознательно, то есть в её основе лежат когнитивные интенции в совокупности с эмоционально-интеллектуальным фоном, без которого «заразительный» мифологический эффект, качество и степень передачи, трансляции КПП значительно снижается. Во-вторых, в этом определении не отражается деятельность субъекта-интерпретатора, которым в данном контексте является слушатель, зритель, читатель, критик и т.д. Возникает ощущение, что креативный субъект (субъект-источник) на первых этапах формирования КПП «закрыт», дистанцирован от воспринимающего сознания. На самом деле это не совсем так. Как только художник начинает моделировать свою КПП (биографический миф) он уже в этот момент «подключен» к интерпретирующему сознанию (даже в том случае, если он этого не желает или сознательно избегает ситуаций, провоцирующих любой резонанс). Это обусловлено принципами функционирования КПП, основанными на единстве системы «субъект-источник – субъект-интерпретатор».

Другими словами каждый «жест», каждое действие, слово художника, осознанно или не осознанно им произнесенное, является частью КПП, а следовательно, уже принадлежит субъекту-интерпретатору и будет актуализировано в процессе дальнейшего моделирования КПП. Ю. В. Доманский справедливо замечает, что «под биографом в данном случае может пониматься и аудитория художника, *субъект-интерпретатор (курсив автора статьи – Д. И.)* <...> именно аудитория выступает в роли соавтора биографического мифа, своеобразно интерпретируя и собственно творчество, и высказывания художника, и сведения о его жизненном пути» [2, с. 7].

Отдельно следует сказать о том, что достаточно часто роль субъекта-интерпретатора в процессе моделирования КПП креативного субъекта воспринимается как зависимая, незначительная, так как «на место значимых для автора моментов и форм самопонимания биограф <...> готов подставить собственные, принятые в его культуре и чаще всего – вполне трафаретные, анонимные, освоенные им в процессе обучения и через жизненный опыт <...> нормы интерпретации» [3, с. 28]. Однако при когнитивном подходе следует учитывать тот факт, что субъект-интерпретатор, «получивший» и освоивший тот или иной элемент КПП, может сам стать субъектом-источником, моделируя свою «оригинальную» КПП, опираясь на перекодированную информацию, полученную от первичного субъекта-источника, что закономерно приводит его к смене культурного статуса.

Исходя из этого, можно предположить, что потенциально роли субъекта-источника и субъекта-интерпретатора равнозначны. Достаточно часто в истории науки и культуры можно встретить случаи, когда субъект-интерпретатор (ученик) превзошел субъекта-источника (своего учителя) и сам получил статус субъекта-источника.

Здесь актуализируется новая проблема, а именно проблема понимания «литературной традиции» и особенностей её интерпретации. В рамках нашего подхода пространство литературной традиции, своеобразных метанарративов, метаповествований мы будем рассматривать как систему универсальных КПП. Например, к таким программам можно отнести «Героические КПП», «КПП истинный национальный поэт», основанные на общеромантических принципах восприятия мира и места, которое занимает в нем художник. Каждая из этих универсальных программ, сохраняя свои базовые признаки, по-разному интерпретировалась креативными субъектами. В результате мы имеем достаточно большое количество оригинальных вариантов КПП, которые воспринимаются нами как полностью самобытные. Например, говоря о КПП «Истинный национальный поэт» можно вспомнить КПП А. С. Пушкина, С. А. Есенина, А. Башлачева и многих других.

Безусловно, в литературоведении есть понятие автобиографического мифа, акцентирующее внимание исследователя на когнитивных интенциях субъекта-источника при сознании своей КПП (биографического мифа), однако и в этом случае роль и функция субъекта-интерпретатора также нивелируются или вовсе выносятся за рамки системы житнетворчества. Отчасти эта проблема решается путем актуализации такого (весьма распространенного) понятия, как биографическая легенда. Д. М. Магомедова указывает: «В целом ряде работ предметом исследования становится биографическая легенда, создаваемая самим автором (и в какой-то мере его читателями)» [11, с. 7]. Но и это не снимает поставленного вопроса, так как остается до конца непонятым «в какой мере» читатель (субъект-интерпретатор) участвует в процессе моделирования КПП.

Здесь же отметим, что понятие КПП позволяет снять условное деление мифобиографических процессов, которые условно разделяются на два этапа, а именно на «текст жизни» и «текст смерти». Действительно, формальные основания для их разделения, несомненно, присутствуют: в «тексте смерти» фиксируется та часть КПП (биографического) мифа, которая сложилась при жизни художника (субъекта-источника), а в «тексте смерти» – часть КПП, творимая после его смерти. На наш взгляд, несмотря на это, такое деление видится весьма условным. Не случайно исследователи отмечают генетическую связь этих понятий. Ю. В. Доманский замечает: «“Текст жизни” обретает окончательную форму только после смерти художника. Даже, можно сказать, благодаря смерти, которая, как факт, очень важна для аудитории» [2, с. 7-8].

Действительно, как показывает история культуры, достаточно часто процесс мифологизации художника активизируется только после его, как правило, трагической смерти. Вспомним слова В. Шахрина: «Сегодня умрешь – завтра скажут поэт» [12]. На наш взгляд, «текст жизни» и «текст смерти» поэта – это единая, целостная система (своеобразные этапы моделирования КПП). Более того, это единый синтетический когнитивный процесс, творимый одновременно и субъектом-источником, и субъектом-интерпретатором.

Из этого следует, что подобное деление носит искусственный характер, и рассматривать «текст жизни» отдельно от «текста смерти» просто нецелесообразно, так как моделирование КПП – процесс непрерывный. Он продолжается до тех пор, пока не иссяк поток её интерпретации и реинтерпретации воспринимающим субъектом. Даже в том случае, когда интерпретаторская активность опускается до нуля, КПП не «умирает», не исчезает, она находится в состоянии анабиоза и потенциально (при формировании благоприятных социально-политических, культурных и других условий) может быть активирована вновь.

Исходя из этого, в рамках исследования КПП художника несколько иначе будет выглядеть и схема анализа биографического мифа креативного субъекта. Традиционно исследователи применяют так называемый «семный» анализ [2, с. 7-8], предполагающий выделение из текстов поэта системы концептуальных лексических элементов (сем), в которых отражены отдельные аспекты общей житнетворческой программы. Отметим, что это достаточно продуктивный подход, но значительно затрудняющий воспроизведение целостной картины. Это связано с тем, что зачастую верно выбранные и проанализированные семы соединяются / группируются «механически». При этом часть важных компонентов может остаться просто неучтенной. На наш взгляд, для достижения более точных результатов и их глубокой систематизации анализ мифобиографических структур нужно проводить по когнитивным принципам, разработанным в рамках моделирования КПП и её компонентной структуры (системы когнитивно-прагматических установок).

В завершении отметим, что в рамках этого небольшого материала, который носит анонсивно-аналитический характер, обозначив ряд дискуссионных зон изучения житнетворческих моделей, мы только наметили общий принцип «перевода» данной литературоведческой проблемы в плоскость когнитивных исследований, который в дальнейшем позволит выйти на качественно новый уровень понимания ключевых вопросов теории литературы.

Список источников

1. **Витковская Л. В.** Когниция и образ автора в интерпретации смысла. Литературоведение XXI века: учебное пособие. М. – Пятигорск: КНОРУС; Пятигорский государственный лингвистический университет, 2016. 332 с.
2. **Доманский Ю. В.** «Тексты смерти» русского рока: пособие к спецсеминару. Тверь: Изд-во Тверской гос. ун-т, 2000. 109 с.
3. **Дубин Б. В.** Биография, репутация, анкета (о формах интеграции опыта в письменной культуре) // Биографический альманах. СПб. – М.: АТНЕНЕУМ; Феникс, 1995. Вып. 6. Лица / ред.-сост. А. И. Рейтблат. С. 7-31.
4. **Иванов Д. И.** Когнитивно-прагматическая программа синтетической языковой личности: общие вопросы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 107-111.
5. **Иванов Д. И.** Специфика функционирования системы «субъект-источник – субъект-интерпретатор» в рамках теории синтетической языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (66): в 4-х ч. Ч. 3. С. 109-113.
6. **Иванов Д. И.** Теория синтетической языковой личности: в 2-х т. / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай); Guangdong University of Foreign Studies (People's Republic of China). Иваново: ПресСто, 2016. Т. 1. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). 360 с.; Иваново: ПресСто, 2017. Т. 2. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: компонентная структура, система концептов (на материале русской рок-культуры). 296 с.
7. **Иванов Д. И., Лакербай Д. Л.** Антропоцентрическая парадигма и теория синтетической языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 96-100.
8. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 332 с.
9. **Красных В. В.** Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // XII конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «Русский язык и литература во времени и пространстве»: в 2-х т. Шанхай: Шанхай Пресс, 2011. Т. 2. С. 12-18.
10. **Красных В. В.** «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
11. **Магомедова Д. М.** Автобиографический миф в творчестве Александра Блока: дисс. в виде научного доклада ... д. филол. н. М., 1998. 50 с.
12. **Шахрин В.** Поплачь о нем [Электронный ресурс]. URL: <https://reproduktor.net/chajf/poplach-o-nem> (дата обращения: 23.02.2017).

INTERPRETATION OF THE NOTIONS “BIOGRAPHICAL MYTH” AND “COGNITIVE – PRAGMATIC PROGRAMME”: GENERAL APPROACHES

Ivanov Dmitrii Igorevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Guangdong University of Foreign Studies, People's Republic of China
Ivanovo State University
Ivan610@yandex.ru

The article examines the general problems of operational potentials of cognitive-pragmatic programme in the context of philological studies of mytho-biographical structures and creative activity. The cognitive-pragmatic programme is considered as a special conceptual matrix, holistic system of purposeful, self-identifying (role, incarnational), instrumental and evaluative-effective cognitive-pragmatic purposes integrating different subjective modalities (subject-source – subject-interpreter) and coming out as mental-cognitive connector between consciousness, thinking, mind and human emotional intelligence.

Key words and phrases: cognitive-pragmatic programme (CPP); biographical myth; autobiographical myth; synthetic linguistic personality (SLP); subject-source; subject-interpreter.